

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«*FOLD & SPINE*»

Иллюстрация на переплете *Ирины Ветровой*

Трауб, Маша.
Т65   **Моя бабушка — Лермонтов / Маша Трауб.** — Мо-
сква : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-110837-3

Самые счастливые воспоминания у меня связаны с ба-
бушкой. Я написала книгу «Истории моей мамы», но и исто-
рии моей бабушки им нисколько не уступают. Самый верный
способ высушить слезы и взрослого, и ребенка – рассмешить
его. Я смеялась все свое детство.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110837-3

© **Трауб М., 2020**
© **Оформление. ООО «Издательство**
«Эксмо», 2020

Бабушкин дом

«Дом. Пошли домой. Пора домой. До дому бы поскорее доехать. Иди домой. Дома надо убрать».

У меня такого не было. Никогда. Не было дома. Были места, в которых я жила — у бабушки или с мамой. Там, где жили они, и находился так называемый дом. Я не знала, что это такое. Дом обуви, дом одежды, дом быта — это я понимала.

Бабушка всегда мечтала о доме. Своем собственном. Настоящем. Не комнате, не квартире, а доме. И жила все время в предвкушении, в ожидании, приговаривая: «Когда у меня будет дом, я обязательно куплю вот эту люстру», «Когда у меня будет дом, положу в прихожей половик, нет, два половика». «Когда у меня будет дом...»

Бабушка жила в селе на Северном Кавказе в служебной квартире, предоставленной редакцией сельской газеты, где она работала главным редактором. С ней я жила больше, чем с мамой в Москве. Мое детство прошло в этом селе. И когда приезжала мама и спрашивала: «Ну что, поехали домой?» — я искренне удивлялась. Куда?

Вообще-то служебная квартира принадлежала сельсовету, и все в селе знали, что в квартире раньше жил дядя

Маша Трауб

Шамиль. Он умер, и бабушку заселили туда — до тех пор, пока не объявятся родственники покойного. Бабушке сказали, что, пока наследники не приедут, она может там жить. Бабушка прожила там десять лет. Наследники так и не объявились. И когда меня спрашивали, где я живу, я отвечала — «в квартире дяди Шамиля, который умер, а мы ждем его родственников». Кстати, первые выражения, которые я выучила по-осетински, были «дай воды» и «пошли домой».

Квартира находилась в двухэтажном здании в самом центре села. На улице Ленина. Мы жили на первом этаже, справа. Наша веревка для белья была тоже справа, вторая по счету. Мне там нравилось — через веревки можно было перебрасывать мяч, стук которого об асфальтированный двор отзывался гулким эхом на весь двор. Бабушка говорила — «пойдем на Ленина», «надо убрать на Ленина», «сбегай в магазин, а потом сразу на Ленина». Ни разу она не сказала — «домой».

Напротив здания стояли вроде как гаражи. Но частных машин в селе было не так много, точнее, совсем мало. Все передвигались на велосипедах или мотоциклах.

Гаражи были приспособлены под коммунальные дела. В них мылись, стирали белье, сушили банки для закрутки, варили варенье. Гаражи выполняли и функцию шкафа — одежда, посуда, веники, тазы тоже хранились в гаражах. Вся жизнь проходила во дворе, на пятачке между домом и гаражами. Мы играли в вышибалы и регулярно попада-

Моя бабушка — Лермонтов

ли мячом в чью-нибудь вывешенную на просушку простыню. Нередко срывали и веревки, которые тянулись от крыши дома к крыше гаража. Поскольку гаражи были на этаж ниже, то веревки висели не ровно, а с наклоном. Раз и навсегда было установлено правило — пододеяльники и простыни висели ближе к дому, детские вещи, нижнее белье и прочие сорочки — ближе к гаражам.

Перед домом разбили палисадник, и у каждой хозяйки был свой клочок земли. В основном там сажали зелень — укроп, петрушку, лук. Женщины ругались, если мы рвали лук. Лук дети не ели, в него свистели. Разламываешь зеленое перо и дуешь. Абрикосовое дерево, росшее в углу двора, считалось общим, как и яблоня. Плоды не успевали созреть — мы, дети, лопали зеленые абрикосы и зеленые яблоки. Но абрикосы посыпали песком, то есть сахаром (никто в селе не называл сахар сахаром, только песком, и я до сих пор про себя говорю стакан «песка» или «надо насыпать в сахарницу песка»). Так вот, абрикосы ели с сахаром, а зеленые недозревшие и кислющие яблоки — с солью. Потом, конечно, бежали в туалет, который стоял на задворках, и им пользовались все, кто жил в доме. В квартирах не было санузла, зато имелся кран с холодной водой. Но вода из крана текла тонюсенькой струйкой, и им почти никто не пользовался. Воды для хозяйства требовалось много, а времени, чтобы ждать, пока наберется ведро, у женщин не было. Все пользовались колонкой на противоположном от туалета конце

Маша Трауб

двора. Напор в колонке всегда мощный, только успевай отпрыгивать, иначе будешь мокрый с ног до головы. Воду таскали ведрами. В квартире традиционно стояло два ведра — одно с питьевой водой и чистым (белым) ковшиком, второе — для мытья посуды, пола, рук — с грязным ковшиком (синим в белый горошек в нашем случае).

Мы, дети, дома никогда не пили — всегда бегали на колонку. Даже если дома стояло полное ведро. Попьешь раз, второй — и снова надо бежать набирать ведро вместо того, чтобы играть во дворе.

Что еще имелось в хозяйстве? Тазы разных размеров для разных нужд. Для варенья, для белья, здоровенное корыто, в котором мылись, еще одно корыто, чтобы замачивать белье. В таз для белья, всегда самый красивый, складывали постиранные вещи и выносили во двор для развешивания. У некоторых хозяек на дверях гаражей даже занавески висели.

В нашей квартире была одна большая комната и крошечная кухонька, отгороженная занавеской. Эта занавеска висела здесь и при жизни дяди Шамиля. Остальное имущество вывез, видимо, сельсовет. Остались только два деревянных ящика, в которых на поезде перевозили фрукты.

Это я тоже хорошо помню. Бабушка отправляла маме поездом такие ящики. У кого были свои дома и свои огороды, собирали урожай. Бабушка же покупала фрукты на

Моя бабушка — Лермонтов

рынке. В таких ящиках отправляли абрикосы, черешню, вишню, сливу. Обычно договаривались с проводницами поезда. Я все удивлялась — когда я жила у бабушки, она мне запрещала есть фрукты, купленные для отправки в Москву. Зато, когда я жила в Москве, бабушка отправляла эти посылки регулярно, специально для меня. Когда я приезжала к бабушке, то вместе с местными детьми воровала фрукты с чужих огородов. Дома же стоял ящик, полный абрикосов или персиков.

— Не трогай, в Москву отправлю, — говорила бабушка.

— Я же здесь, зачем отправлять? Я здесь могу съесть. — Очень хотелось персика.

Бабушка задумчиво смотрела на меня, на ящики, но все равно не разрешала взять фрукт.

Ящики, оставшиеся от дяди Шамиля, были заполнены его личными вещами — соседи собрали и сохранили. Бабушка строго-настрого запретила мне даже одним глазом смотреть, что в них лежало. Чужие вещи, трогать нельзя. И все десять лет хранила эти ящики, которые стояли на кухне, под подоконником — там, где их и оставили соседи. Бабушка их даже в гараж не вынесла.

Мебель тоже выделила редакция — большой письменный стол и крошечный — обеденный, два стула, кровать с матрасом-сеткой, раскладушка, лампа настольная. На всех предметах стояли печать и номер. Бабушка спала

Маша Трауб

на раскладушке — ей так было привычнее. Люстру бабушка так и не удосужилась повесить — голой лампочки Ильича ей хватало. Впрочем, бабушка не обращала внимания, что у нее над головой, из каких тарелок она ест и на чем сидит. Единственным личным предметом, дорогим ее сердцу и жизненно необходимым, помимо раскладушки, был секретер. Огромный, с откидной крышкой, на прочных держателях. Внутри секретера находился весь бабушкин мир — ее заметки, блокноты, рукописи, чернила, чернильница — она любила писать перьевыми ручками. За чистотой в доме она следила тщательно — мне регулярно доставалось за плохо помытые полы. Бабушка требовала непременно поднимать стулья и ставить их вверх ножками на стол, отодвигать кровать и обязательно отмывать лестницу, ведущую на улицу. Зато в ее секретере царил бардак, в котором только она находила все, что требовалось для работы. Ключ от секретера лежал всегда сверху, ровно посередине. Бабушка не глядя протягивала руку, доставала ключ и садилась работать.

Во время войны она служила фронтовым корреспондентом, поэтому имела привычку входить в любые двери, могла убедить кого угодно в чем угодно. Медали, ордена за заслуги. Талантливая, смелая, резкая, бесстрашная, прошедшая всю войну, глухая на одно ухо после тяжелой контузии. Но к быту была совершенно не приспособлена. Не умела устроиваться и обживаться.

Моя бабушка — Лермонтов

Ей не хватало женской хватки, бытовой мудрости. С ее положением и влиянием она могла получить все, что хотела — в районном масштабе, конечно. Но ей и в голову не приходило попросить.

— Мама, где у тебя сковородка? — спрашивала ее дочь, моя мама, когда приезжала и привозила меня.

— Здесь, — радостно отвечала бабушка.

Сковорода обнаруживалась на груди рукописных листков — она служила грузом, чтобы страницы не разлетались от сквозняка.

— Мама, где набор кастрюль, которые я тебе отправляла?

— Я соседке подарила. Они ей очень понравились. А мне столько не надо.

— Господи, как я тебе ребенка доверяю?

— Что ты переживаешь? Она же не ходит голодная.

Это правда. Я питалась в редакционной столовой, у соседей, в столовой в сельсовете, у тети Бэллы, которая была женой бабушкиного постоянного водителя дяди Эльбруса и считала бабушку гением.

— Так много женщин, которые готовят! Так мало женщин, которые Лермонтов! — восхищалась тетя Бэлла.

К бабушке приклеилась эта кличка — Лермонтов.

Конечно, ей не раз предлагали купить или построить дом. И мама предлагала. Но бабушка всегда отказывалась. Говорила, что дорого, что не сейчас, попозже, что нужно закончить материал, дописать книжку, а вот потом... На-

Маша Трауб

верное, ей было страшно. Перестать быть Лермонтовым, превратиться в обычную хозяйку. Или я не знаю, почему еще... Хотя потом произошла история, которая, мягко говоря, шла вразрез с ее нежеланием иметь дом.

Зимой мы с мамой жили в Москве. У нас в квартире не было телефона, и мама бегала звонить к соседке по лестничной площадке, тете Люсе. Бабушка тоже звонила нашей соседке. Почему мама не поставила телефон у себя, хотя могла сделать это сто раз, я точно не знаю, но догадываюсь. Она тоже боялась. Мама очень хотела вырваться из села, где ее так и не приняли, которое она не любила, где ее осуждали и шикали за спиной. Сколько раз она уговаривала бабушку переехать в Москву, чуть ли не в ногах валялась. Но бабушка отказывалась наотрез. У нее *там* была работа, а *здесь* работы бы не было. А без работы бабушка не могла прожить и дня. Мама не ставила телефон, чтобы не узнать новости. Чтобы не сидеть у телефона и не ждать звонка. Чтобы сердце хоть иногда отдыхало от волнения.

И вот однажды тетя Люся пришла вечером с бутылкой вина и с порога объявила:

- Ольга, поздравляю.
- С чем? — перепугалась мама.
- Как с чем? Твоя мама звонила. Она замуж выходит!
- Люсь, я устала, на работе аврал, еще ты со своими дурацкими шутками, — отмахнулась мама.

Моя бабушка — Лермонтов

— А кто шутит? Поздравляю.

Дальше мама сорвалась, оттолкнула тетю Люсю, влетела в ее квартиру и принялась накручивать диск и орать в телефонную трубку. Вызов нужно было заказывать. И ждать. Бабушку должны были вызвать на почту на переговоры.

— Так, телеграммой быстрее не будет. Надо звонить в редакцию. Люсь, оставь мне ключи от своей квартиры. Я буду завтра с утра ее ловить, — велела мама.

Новость подтвердилась — бабушка решила выйти замуж. За вдовца. Ей было шестьдесят пять. Жениху — семьдесят пять.

— Ты с ума сошла? — кричала мама. — Ничего не делай! Дождись меня! Я приеду и со всем разберусь! Ты меня слышишь?

— Ольга, я уже все решила. Не кричи, я прекрасно тебя слышу. Представляешь, у меня будет свой дом! Настоящий! Ты можешь себе это представить? Уже готовый дом. Не надо ничего покупать и строить! Это же моя мечта! Я видела этот дом! Небольшой, но очень красивый. Две комнаты в доме, летняя кухня, зимняя кухня, огород большой, курятник, палисадник. На Энгельса.

— Мама, где ты и где куры? Зачем тебе палисадник и зимняя кухня? Какой огород? Ты ведь даже картошку копать не умеешь! Что у тебя случилось? Почему так вдруг? Если ты выходишь замуж за дом, то я тебе его построю! Зачем замуж?

Маша Трауб

— Почему ты так к этому относишься? Разве я не имею права на счастье?

— Мам, ну при чем тут счастье?

— При том. Это то, о чем я мечтала. И, между прочим, Маше будет лучше жить в доме. О ней я тоже подумала. У нее будет своя комната.

— Мама!

— Я научусь сажать огород и разведу розы в палисаднике! Я хочу копать в земле. Хочу кормить кур! Мне все надоело! Хочу жить. Как все. Понимаешь? Иметь дом! И свое хозяйство! Хочу свой двор и дерево во дворе! Разве я этого не заслужила? Возможно, я смогу что-нибудь написать. Другое. Настоящее. Считаю, что это — творческая командировка. Я еду за новыми ощущениями.

— Мама! Замуж — это не «Письмо позвало в дорогу»! Ты с ума сошла? Какие тебе ощущения нужны?

Самый главный вопрос — «кто жених?» — вообще не волновал маму.

Мама тогда плакала. Она еще несколько раз звонила бабушке в редакцию, но та не отвечала. Мы смогли поехать к ней только на майские праздники. И выяснилось, что уже поздно — бабушка перебралась в новый дом, который называла «на Энгельса».

Оказалось, что так называемая свадьба не прошла гладко, о чем маме тут же насплетничали соседки. Поскольку бабушка была против торжественной церемонии и пышного отмечания, то постаралась сделать все

Моя бабушка — Лермонтов

в тайне. В селе, где ее знала каждая собака, сохранить тайну не удалось.

Расписала их Ирочка. Так звали главу местного загса и по совместительству — замглавы сельсовета. Ее дочку звали Ирка, и все считали, что это два разных имени. В свидетельстве о рождении, которые сама же Ирочка и была уполномочена выдавать, значилось: у нее — Ирочка, у дочери — Ирка.

Поскольку здание сельсовета выглядело не очень презентабельным, молодоженам там не хотелось даже появляться, Ирочку обычно вызывали на свадьбы. В дом. Присылали за ней мотоцикл с коляской. Ирочка надевала свое черное платье, перевешивала через плечо золотую ленту, собирала документы, брала красивую указку с плетением на конце и садилась в коляску мотоцикла. За свои услуги Ирочка получала вознаграждение — иногда деньгами, иногда мешком муки или кукурузы, иногда ценным подарком — отрезом ткани, комбинацией или комплектом постельного белья.

Бабушка попросила Ирочку прийти к ней на Энгельса. Без мотоцикла и без опознавательной ленты. Только с бумагами. Ирочка не смогла отказать главному редактору газеты, но прическу все-таки сделала, надела свое торжественное платье — не в халате же идти — и поковыляла на каблуках через все село на Энгельса. Почему на каблуках? Потому что под торжественное платье галоши или тапочки со смятым задником не обуешь.